

Нин Си задумчиво разглядывал экран телефона. Вся переписка буквально вопила об одном: «Это абсолютно, совершенно ненадёжно».

Если бы в последнее время ему не везло настолько катастрофически, он ни за что не стал бы хвататься за подобную соломинку.

[Бай Сюйюй: Да ты хотя бы попробуй!]

[Бай Сюйюй: Ты же у нас мастер притворяться.]

[Бай Сюйюй: Хотя какое там «притворяться»... С твоим-то личиком Альфы от тебя и так без ума будут!]

[Бай Сюйюй: Си-эр, ну добавь ты немного уверенности в себе!]

[Бай Сюйюй: Кстати, на кого ты там засмотрелся? Скинь фотку, дай хоть глянуть!]

Нин Си скептически изогнул бровь.

За те несколько дней, что он провёл в этом мире, Нин Си успел заметить: оригинальный владелец тела действительно питал слабость к красивым парням.

Вот только история с Сун Ицзэ... разве это не стандартная романтическая новелла?

А что, если главный герой — убеждённый гомофоб?

Нин Си набрал короткий ответ:

[Одноклассник Сяо Си: Позже.]

Игнорируя посыпавшиеся в ответ недоуменные стикеры, он убрал телефон в карман.

Как раз в этот момент в двери показался Сун Ицзэ.

Раз уж обстоятельства сложились именно так, решил Нин Си, почему бы не проверить, сработает ли совет на практике?

Он мгновенно включил режим безупречного милашки.

Актерскому мастерству ему было не занимать: в своей прошлой жизни, когда его ловили за прогулы или драки, он всегда сбегал от наказания исключительно благодаря филигранной игре в полного дурачка.

Впрочем, строить из себя дурачка и изображать трогательную невинность — вещи абсолютно разные.

Нин Си чуть опустил голову, слегка приподнял подбородок и взглянул на Сун Ицзэ снизу вверх. Постаравшись придать облику максимально кроткий и пушистый вид, он очаровательно захлопал ресницами.

— Ты... в порядке? — осторожно поинтересовался Сун Ицзэ.

— А? Да всё отлично! — Нин Си снова невинно моргнул.

— У тебя... кажется, глаз дёргается, — невозмутимо констатировал тот. — Не выспался ночью?

Нин Си застыл.

«Да уж, фальшивка от искренности отличается разительно...» — мысленно вздохнул он.

Впрочем, ерунда. Подумаешь, небольшая накладка. Путь к успеху как раз и вымощен подобными провалами.

— Регистрация окончена, ты можешь идти в свой класс, — произнёс Сун Ицзэ и уже развернулся, намереваясь уйти.

«И это всё?!»

Увидев, что юноша собирается скрыться, Нин Си поспешно протянул руку и вцепился пальцами в край его школьного пиджака. Это был проверенный прием — самый невинный, но, как утверждали руководства, бьющий точно в цель.

— Слушай... я понятия не имею, где находится седьмой класс. Не проведёшь меня? — Нин Си постарался сделать голос как можно более тихим и мягким.

Сун Ицзэ опустил взгляд сначала на лицо Нин Си, затем на изящную кисть, сжимающую ткань его формы, и суховадно ответил:

— Хорошо.

Ого. Сработало?

Воодушевлённый первым успехом, Нин Си уже собрался было закрепить результат, как Сун Ицзэ вдруг запустил руку в карман, достал оттуда леденец от кашля и вложил его в ладонь Нин Си.

Нин Си недоумённо уставился на конфету.

— Голос осип, — серьёзно пояснил Сун Ицзэ. — Съешь, станет легче.

«...»

Нин Си непреодолимо захотелось отвесить этому невозмутимому парню хорошую затрещину. Однако избиение несовершеннолетних явно противоречило закону, поэтому он лишь глубоко вдохнул и сквозь зубы выцедил:

— Надо же, спасибо.

— Не за что, — безмятежно отозвался тот.

Нин Си уже всерьёз подумывал бросить эту затею с изображением нежного Омеги и сменить тактику, как вдруг ладонь Сун Ицзэ мягко опустилась ему на лоб.

Нин Си опешил и вскинул глаза.

Сун Ицзэ был заметно выше его. Широкие плечи Альфы, подтянутая юношеская фигура, безупречно отглаженная школьная форма, застёгнутая на все пуговицы до самого горла... Идеальный, образцовый ученик.

— Тебе получше? — спросил Сун Ицзэ.

Нин Си всё ещё не мог прийти в себя от неожиданности.

— В тот день, в больнице... — продолжал юноша. — Ты принимал лекарства по предписанию врача? Жаропонижающее на второй день, если температура не спала, нужно пить строго после еды. А антибиотики — четыре дня подряд, без пропусков.

«А ведь он запомнил...»

В душе Нин Си поднялась волна искренней признательности, и он не удержался от порыва:

— Сун Ицзэ, а ты ведь действительно отличный парень! Какая же ты заботливая мамочка... Я прямо хочу, чтобы ты стал моим родным братом.

Сун Ицзэ получил очередную похвалу, и хотя в словах Нин Си не было ничего дурного, на душе у него отчего-то стало мутно.

— Так ты пил лекарства? — снова спросил он.

Нин Си почесал затылок:

— Да ладно тебе, всё уже прошло.

Лицо Сун Ицзэ оставалось непроницаемым, а голос — ровным и лишённым эмоций. Не задавая больше вопросов, он сухо произнёс:

— Пошли, я провожу тебя в седьмой класс.

Нин Си с таким трудом заполучил общество Сун Ицзэ, что ему вовсе не хотелось расставаться с ним так быстро.

— Слушай, я бы хотел посмотреть школу... Ицзэ, а ты не мог бы устроить мне небольшую экскурсию?

Выражение лица Сун Ицзэ едва уловимо изменилось.

Решив, что зацепил нужную струну, Нин Си тут же добавил:

— Ну пожалуйста-а-а... Можно?

Боже, от этого капризного и жалобного тона его самого едва не вывернуло наизнанку.

В воздухе повисла звенящая тишина. По спине Нин Си от напряжения градом покатился холодный пот.

Прошло несколько бесконечно долгих секунд.

— Нет, — наконец отрезал Сун Ицзэ.

«Ну вот, я же говорил. На него это не действует».

Сун Ицзэ чуть отвернул голову, но Нин Си успел заметить, как ярко вспыхнул кончик его уха.

— В обед покажу, — негромко добавил юноша. — Сейчас уроки начнутся.

\*\*\*

Весь путь до седьмого класса третьего года старшей школы Нин Си держался рядом с Сун Ицзэ, не отступая от него ни на шаг.

По дороге он непрерывно анализировал произошедшее.

Кончик уха Сун Ицзэ действительно покраснел? Или ему просто показалось?

Если покраснел, значит ли это, что он смутился?

Выходит, выбранный метод всё-таки даёт свои плоды?

Не успел Нин Си распутать этот узел мыслей, как они уже оказались у дверей седьмого класса.

Расставаться с Сун Ицзэ ужасно не хотелось. Хотя они и находились в одном здании, расстояние всё равно оставалось ощутимым.

А что, если за то время, пока его не будет рядом, опять произойдёт какое-нибудь несчастье?..

Нин Си судорожно сглотнул и с опаской взглянул на крутящийся под потолком кабинета старый вентилятор.

«Эта штука ведь не должна отвалиться прямо на уроках?..»

— Не хочешь заходить? — поинтересовался Сун Ицзэ.

— Я боюсь... — совершенно искренне выдохнул Нин Си, не сводя взгляда с шумящих лопастей.

Решив, что переведенный ученик просто смущается такого количества незнакомых людей, Сун Ицзэ заметил:

— Не похоже, что ты из тех, кто боится публики. Когда ты нагло врёшь, на твоём лице куда меньше паники.

—...

Нин Си решил не оправдываться. Какой смысл?

Он молча повернулся, собираясь переступить порог класса, но Сун Ицзэ внезапно окликнул его:

— Ты так и собираешься войти?

Нин Си обернулся. Маска милого парня уже давала трещину, поэтому он ответил вполне привычным, вальяжным тоном:

— А что не так-то?

Сун Ицзэ, казалось, слегка нахмурился. Окинув Нин Си строгим взглядом, он коротко бросил:

— Иди за мной.

Он отвёл Нин Си вглубь пролёта за лестничной клеткой. Там, в густой тени, их никто не мог увидеть.

— Доставай, — потребовал Сун Ицзэ.

— Что доставать? — не понял Нин Си.

— Блокирующий пластырь.

— А, точно, — Нин Си поспешно вытащил из кармана упаковку и протянул её юноше. — Держи.

[0191] [0191] Сун Ицзэ взял блокирующий пластырь, на мгновение помедлил и тихо сказал:

— Повернись.

Нин Си послушно развернулся к нему спиной и слегка нагнул голову.

Его изящная, белоснежная шея обнажилась, выставя чувствительную железу феромонов Омеги прямо перед глазами Альфы. Сун Ицзэ инстинктивно отвёл взгляд от этой гладкой кожи, от которой исходило едва уловимое тепло.

Быстро сорвав защитную плёнку, он точно и аккуратно наклеил блокирующий пластырь прямо на железу феромонов.

— Всё? — ощутив приятную прохладу, спросил Нин Си.

— Угу.

Сун Ицзэ и сам не мог понять, что с ним происходит. С какой стати он уже во второй раз соглашается клеить блокирующий пластырь чужому Омеге?

В первый раз он был уверен, что они больше никогда не увидятся. А сейчас-то что им двигало?

Неужели он просто решил, что этот парень беспросветно глуп?

— Нин Си, — позвал он. — Ты вообще слушал что-нибудь на уроках анатомии?

«Анатомия?»

Нин Си, разумеется, понятия не имел о местной школьной программе, но это был отличный шанс закрепить за собой статус отъявленного двоечника:

— Я плохо учусь. Всё равно ничего на уроках не понимаю.

— Но ты хотя бы в курсе, что между Альфой и Омегой существуют вполне определённые границы? — настойчиво спросил Сун Ицзэ.

Услышав это, Нин Си мгновенно вспомнил одну из фраз, подсмотренных в том самом пикантном романчике «Интимные отношения АВО».

Он тут же с готовностью выдал:

— Конечно, знаю! АО созданы для того, чтобы липнуть друг к другу и тискаться!

Сун Ицзэ застыл.

В последний раз он испытывал подобный шок... да никогда он такого не испытывал.

Видя, насколько суровым стало лицо Сун Ицзэ, и не понимая, где именно он оступился, Нин Си решил поспешно сменить тему:

— Слушай, Ицзэ, а как мне с тобой связываться на переменах? Ты в каком классе учишься? Можно я буду приходить к тебе? И где тут вообще столовая, расскажешь?

Глядя на стоящего перед ним красивого и с виду совершенно невинного Омегу, Сун Ицзэ искренне не понимал, какова его истинная цель.

Впрочем, подозревать человека в дурных намерениях без видимых причин он тоже не хотел.

— Я в экспериментальном классе.

— Тогда я приду к тебе на перемене! — с ослепительной улыбкой пообещал Нин Си.

Сун Ицзэ лишь тяжело вздохнул про себя.

Ни один из них не заметил, что за их уединённым разговором в тени лестничной клетки всё это время внимательно наблюдали.

Староста класса Жэнь Сыюй, обнимавшая пышную охапку тетрадей, застыла на месте. Её челюсть отвисла от изумления.

Ей «посчастливилось» всего лишь зайти в учительскую, чтобы помочь сдать тетради, а в итоге она наткнулась на сенсацию вселенского масштаба!

«Мать моя...» — даже эта воспитанная и тихая девушка не удержалась от крепкого словца.

Сун Ицзэ! Тот самый Сун Ицзэ! Непрístupный гений, свято уверенный, что его единственная любовь — это учёба, наедине обнимается с Омегой в укромном уголке, где обычно прячутся парочки!

И более того!

Он собственноручно наклеивал этому Омеге блокирующий пластырь!

Неужели у их «Бога Цзэ» уже давно есть пара?!

Находясь в полном шоке и видя, что Сун Ицзэ вот-вот обернётся, Жэнь Сыюй прижала тетради к груди и со всех ног бросилась в сторону учительской.

Спотыкаясь на каждом шагу, она влетела в кабинет и с громким стуком захлопнула за собой дверь.

Чжан Цинхуа, классный руководитель экспериментального класса, от неожиданности вздрогнул. Увидев запыхавшуюся ученицу, он с удивлением спросил:

— Сыюй? Что случилось, почему ты так тяжело дышишь?

Жэнь Сыюй попыталась перевести дух и, аккуратно опустив тетради на стол учителя, с трудом выговорила:

— Да так... ничего...

— А, ну и хорошо. Учёба сейчас тяжёлая, старайтесь больше отдыхать, — добродушно заметил Чжан Цинхуа. — Положи тетради сюда. Кстати, сходи спроси у Сун Ицзэ, почему он до сих пор не сдал домашнюю работу по физике и биологии? Раньше за ним такого не водилось.

При упоминании имени Сун Ицзэ перед глазами девушки снова встала картина: затенённый коридор и руки юноши, касающиеся чужой шеи.

Жэнь Сыюй была Бетой. Уроки анатомии АВО казались ей скучной формальностью, и лезть в чужие личные дела она категорически опасалась.

Но в одном она была уверена твёрдо: их «Бог Цзэ» безупречен и не стал бы распускать руки без веской причины!

Набравшись храбрости, Жэнь Сыюй осторожно спросила:

— Учитель Чжан... а если Альфа наклеивает Омеге блокирующий пластырь... это считается нормальным?

— Конечно, нормально, — отозвался Чжан Цинхуа, не отрываясь от проверки контрольных.

«Фух, нормально... Ну и славно».

— Вот только, — небрежно добавил учитель, — Альфа имеет право клеить блокирующий пластырь исключительно тому Омеге, которого сам же и замаркировал. В противном случае это расценивается как неприкрытое хулиганство и домогательство.

Жэнь Сыюй застыла.

— Сыюй, ты же Бета, зачем тебе такие тонкости?

— Я... я просто встретила подобный вопрос в тесте... — вытращила глаза девушка,

окончательно потеряв способность мыслить.

Картина, где Сун Ицзэ бережно наклеивает пластырь незнакомцу, вспыхнула в её голове с новой, ужасающей отчётливостью. По коже Жэнь Сыюй побежали крупные мурашки.

Всё кончено.

Её кумир... рухнул.

<http://bllate.org/book/20373/2121902>